

showing off
ВЫПЕНДРЕЖ

Игорь Борг

Игорь Борг

Выпендрёж

<https://litres.ru/74159044>

SelfPub; 2026

Аннотация

Серафиму Бельскому двадцать семь лет, квартира на двадцать седьмом этаже и дипломат с латунным замком — при том, что на одной карте у него тысяча девятьсот сорок рублей, а на другой минус. Он умеет входить в комнату так, чтобы на него смотрели, шутить так, чтобы боль не была заметна, и говорить «у меня сейчас интересная точка» о жизни, которая давно идёт под откос.

Один день на Патриарших прудах — с мамой в голосовых сообщениях, отцом, который «начинал с рынка», девушкой, которая видит его насквозь, и голубем со сломанной лапой — станет днём, когда маска и лицо перестанут совпадать на глазах у всего интернета.

«Выпендрёж» — короткая, злая и неожиданно нежная история о том, из чего на самом деле сделана уверенность в себе, если её долго носить напоказ.

Содержание

Рассказ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Выпендрей

Рассказ

Серафим Бельский жил на двадцать седьмом этаже и поэтому некоторое время считал, что у него есть глубина.

Утром Москва лежала под окнами плоско, как экран телефона, который забыли заблокировать. Дома, крыши, машины, люди с маленькими пакетами — всё было внизу.

Серафим стоял босиком у стекла, пил вчерашнюю воду из бокала для виски и смотрел не на город, а на своё отражение.

Отражение было лучше него.

В отражении у него были плечи, челюсть, волосы после сна — не беспорядок, а дорогая небрежность. В жизни у него щёлкало в виске, во рту было сухо, а в холодильнике стояли две банки энергетика, лимон без кожуры и коробка с лапшой, которую он открыл ещё во вторник и зачем-то поставил обратно.

Телефон завибрировал на подоконнике.

Мама.

Серафим посмотрел на экран и не взял. Через минуту пришло голосовое. Он включил его с видом человека, который проверяет не маму, а деловую сводку.

— Сима, доброе утро. Ты не спишь? Я просто хотела спро-

силь, ты ел вчера? Ты в последнее время какой-то худой на фотографиях. И глаза\... Ну ладно, не буду. Позвони, когда сможешь. Я тебя люблю.

Он поставил голосовое ещё раз. Потом ещё раз, уже тише.

На третьем разе поморщился, будто мама сказала что-то неловкое при посторонних, хотя в квартире никого не было.

Записал ответ:

— Мам, ну ты даёшь. Я нормально, дел полно, вечером на встрече. Люблю.

Прослушал. Стер.

Записал заново, бодрее:

— Мамуль, всё супер. Завтракал. Сейчас лечу по делам. Не переживай, я красавчик.

Это звучало лучше. Он отправил.

Потом открыл шкаф.

В шкафу было много вещей, которые должны были доказывать, что с их владельцем всё в порядке. Белые рубашки, чёрные рубашки, брюки, которые нельзя было стирать обычным порошком, обувь в коробках, два ремня, три пары очков, цветной пиджак с синим и красным узором.

Пиджак он купил на последние нормальные деньги два месяца назад и с тех пор называл его «мой маленький скандал».

Подкладка у пиджака разошлась под мышкой.

Серафим знал об этом. Когда он поднимал руку, внутри что-то белело. Он научился держать локоть ниже. Получа-

лось почти естественно.

Он надел пиджак, рубашку, часы, очки, хотя на улице обещали дождь. Побрился только там, где могло быть видно. Брызнул духи на воротник и отдельно на левый рукав, потому что там почему-то остался запах вчерашнего бара.

Перед выходом остановился у зеркала в прихожей.

— Ну что, — сказал он себе. — Покажем им?

Зеркало промолчало.

Дипломат стоял у двери. Чёрный, кожаный, тяжёлый на вид, с латунным замком. Когда Серафим шёл с ним по улице, люди чаще принимали его за человека, у которого есть дела.

Внутри дипломата лежали зарядка, пустая папка, пачка мятной жвачки, пробник духов, чек из ресторана, ручка без стержня и фотография, где ему было семь лет: он сидел на даче в майке, с разбитой коленкой и держал в ладонях серого воробья.

Он давно собирался убрать эту фотографию.

Но каждый раз оставлял.

На Патриках он появился в начале второго. В это время район уже просыпался для тех, кто спит до полудня и называет это гибким графиком. У воды стояли женщины в очках, мужчины в кроссовках, собаки на поводках, официанты с лицами людей, которые знают больше, чем говорят. Кафе раскрывали зонты. Машины медленно проплывали мимо, как дорогие рыбы.

Серафим любил приходить сюда пешком последние две-

сти метров. Машина могла подвести к месту, но входить в сцену надо было самому.

У входа в кафе он увидел Пашу.

Паша называл себя Павлом только в банке и при маме. Все остальные знали его как Пашу Патрика, хотя жил он в Митино, а на Патриках у него были только долги, любимый столик и несколько знакомых хостес, которые улыбались ему не сразу.

— Серафим! — Паша развёл руки. — Ангел мой кредитный.

— Паша, ты опять выглядишь так, будто тебя выгнали с чужого дня рождения.

— Это называется свободный стиль. У тебя, кстати, всё нормально. Ты выглядишь дороже своих проблем.

Серафим рассмеялся. Фраза была хорошая, и от этого неприятная.

— Запишу себе.

— Не надо. Я потом продам её как курс.

Они обнялись. Паша пах табаком, кофе и чужими духами. Он был толстоват, лёгок на подъём и умел разговаривать так, будто каждая глупость была началом сделки.

— Алиса будет? — спросил Серафим, будто между прочим.

— Будет. Но ты не начинай сразу изображать дубайского Чехова. Она сегодня не в настроении.

— Я когда-нибудь был дубайским Чеховым?

— Ты вчера сказал официанту: «Оставьте сдачу, брат». А сдачи было восемьдесят рублей.

— Зато от сердца.

— У тебя сердце мелкими купюрами.

Серафим снова рассмеялся. Пашу за это и терпели: он кусал, но делал вид, что щекочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.